

УДК 94(477)"1917/1918"

UDC

DOI: 10.17223/18572685/62/6

Договор, который так и не был ратифицирован: к столетию подписания Парижского протокола (28 октября 1920 г.)

Я.В. Попенко¹, И.В. Срибняк², В.А. Шатило³

¹ Мелитопольский государственный педагогический университет
им. Б. Хмельницкого

Украина, Запорожская обл., 72312, г. Мелитополь, ул. Гетманская, 20

E-mail: popenkoaroslav80@gmail.com

² Институт всемирной истории НАН Украины

Украина, 01030, г. Киев, ул. Леонтовича, 5

E-mail: i.sribnyak@gmail.com

³ Киевский национальный лингвистический университет

Украина, 03150, г. Киев, ул. Большая Васильковская, 73

E-mail: vash13@ukr.net

Авторское резюме

Внешняя политика Румынии в течение первых десятилетий XX в. не была случайной или спонтанной. Она реализовывалась руководством королевства в рамках целенаправленной программы создания «Великой Румынии». В целом внешнюю политику Бухареста в годы мировой войны и в период формирования Версальской системы международных отношений можно определенным образом считать показательной с точки зрения достижения национальных интересов в завоевании статуса регионального лидера на Балканах. Представлен анализ борьбы вокруг «бессарабского вопроса» на Парижской мирной конференции в течение 1919–1920 гг. Этот промежуток времени стал решающим для Румынского королевства в вопросе признания международным сообществом его исключительного права на присоединение Бессарабии. Целенаправленная работа румынских политиков И. Брэтиану, А. Вайды-Воевода, А. Авереску и др. в решении «бессарабской проблемы» дала, несомненно, положительные результаты для Румынии. 28 октября 1920 г. в Париже был подписан документ, который юридически признал присоединение Бессарабии к королевству (Парижский, или Бессарабский, протокол). Таким образом, длительная

борьба румынской дипломатии завершилась, с одной стороны, победой Бухареста, с другой – этот судьбоносный для королевства документ так и не был ратифицирован некоторыми странами-участниками конференции, что автоматически делало его юридически «незавершенным» международным актом.

Ключевые слова: аннексия, Антанта, Парижский (Бессарабский) протокол, международное право, Парижская мирная конференция, ратификация, территориальные изменения.

The Treaty That Was Never Ratified: On the Centenary of the Signing of the Paris Protocol (October 28, 1920)

Ya.V. Popenko¹, I.V. Sribnyak², V.A. Shatilo³

¹ Bogdan Khmelnytsky Melitopol State Pedagogical University
20 Getmanska Street, Melitopol, 72312, Zaporozhye region, Ukraine
E-mail: popenkoaroslav80@gmail.com

² The Institute of World History
of the National Academy of Science of Ukraine
5 Leontovych Street, Kyiv, 01030, Ukraine
E-mail: i.sribnyak@gmail.com

³ Kyiv National Linguistic University
73 Velyka Vasylkivska Street, Kyiv, 03150, Ukraine
E-mail: vash13@ukr.net

Abstract

Romania's foreign policy during the first decades of the 20th century was not accidental or spontaneous. It was implemented by the leadership of the Kingdom as part of a targeted program for the creation of "Greater Romania." The foreign policy of Bucharest during the World War and formation of the Versailles system of international relations can be considered as indicative in terms of achieving national interests to gain the regional leader status in the Balkans. The article analyses the struggle around the "Bessarabian question" at the Paris Peace Conference during 1919–1920. This period became decisive for the Romanian Kingdom in the question of the recognition by the international community of its exclusive right to annex Bessarabia. The purposeful work of the Romanian politicians I. Bratianu, A. Vaida-Voevoda, A. Averescu and others in solving the "Bessarabian question" has undoubtedly yielded positive results for Ro-

mania. On October 28, 1920, the Paris, or Bessarabian, protocol was signed in Paris to legally recognize the annexation of Bessarabia to the kingdom. Thus, the long and the exhausting struggle of the Romanian diplomacy ended with the victory of Bucharest on the one hand, while on the other, this fateful document was never ratified by the individual participants, which automatically made it legally “incomplete” international act.

Keywords: annexation, the Entente, the Paris (Bessarabian) Protocol, international law, the Paris Peace Conference, ratification, territorial changes.

Исторический промежуток времени, а именно 1919–1920 гг., стал для стран европейского континента весьма тяжелым политическим испытанием, поскольку именно в тот период нужно было выработать абсолютно новую конфигурацию международных отношений, которая могла бы реально предотвратить возможные конфликты в будущем. Следует обратить внимание, что в результате Первой мировой войны страны Четверного союза как проигравшая сторона утратили не только бывшее политическое влияние на континенте, но и ряд собственных земель. В то же время страны Антанты, напротив, увеличили ресурсы и потенциал. Это потребовало установления и ратификации новых межгосударственных границ на карте Европы. Именно Парижская конференция 1919–1920 гг. должна была юридически зафиксировать не только завершение периода «старого международного права», но и определить новый раздел Европы.

Среди государств-претендентов на международное признание новых границ было и Королевство Румыния, которое в результате мировой войны увеличило свою территорию более чем вдвое, с 131,3 до 295 тыс. кв. км, а население – почти втрое, с 6,7 до 18 млн чел.

Цель статьи – осветить переговорный процесс румынской дипломатии на Парижской конференции, главным намерением которой было получение юридического признания мировым сообществом исключительного права Бухареста на присоединение Бессарабии, а также проанализировать положения Парижского (Бессарабского) протокола от 28 октября 1920 г.

Упомянутая проблема нашла широкое отражение в работах исследователей из разных стран, заложивших научную базу для ее дальнейшей научной разработки. Впервые тема «бессарабского вопроса» была поднята в публикациях участников тех событий [33; 52]. Для изучения «бессарабского вопроса» в период становления Версальской системы международных отношений важное значение имеет обстоятельная работа А. Лазарева, в которой автор однозначно трактует действия королевской Румынии относительно Бессарабии как агрессивные [15: 116].

Военно-политическая ситуация вокруг территориальной принадлежности Бессарабии отражена в работах С. Назарии [7; 20; 21] и С. Суляка [27; 28]. Исследованию внешнеполитической деятельности Румынии в тот период посвящены работы и других исследователей [5; 10; 18].

Отдельно следует отметить комплексную монографию И. Леви-та [16]. В ней автор детально проанализировал не только процесс рассмотрения и принятия окончательного решения по Бессарабии на Парижской конференции, но и всесторонне рассмотрел процесс румыно-советских, румыно-французских, румыно-английских и других переговоров относительно Бессарабии в течение 1918–1920 гг. Детальное рассмотрение всего комплекса событий вокруг бессарабского края дало автору возможность констатировать следующее: «Еще до открытия Парижской конференции правители Румынии поставили ее участников перед совершившимся фактом: они включили в состав страны не только предусмотренные секретным договором 4 (17) августа 1916 г. с Антантой территории, входившие в состав Австро-Венгрии, но и не предусмотренную этим договором Бессарабию» [16: 25]. В то же время следует отметить, что автор монографии допустил и явную неточность в изложении материала. В частности, исследователь указывает, что, «стремясь не допустить утверждения советской власти на Украине, 1 (14) ноября 1918 г. украинские националисты образовали свое правительство – Директорию – во главе с В.К. Дорошенко» [16: 15]. Не вступая в дебаты относительно употребления конструкции «украинские националисты», отметим, что первое правительство Украинской Народной Республики после свержения гетмана П. Скоропадского было сформировано лишь 24 декабря 1918 г., а возглавил его социал-демократ В. Чеховской.

Вопрос о государственно-правовой принадлежности Бессарабии в период становления Версальской системы активно разрабатывался западноевропейскими и румынскими исследователями [30; 32; 34; 37; 43; 44; 48–51].

Однако историко-правовой опыт решения «бессарабского вопроса» в первой четверти XX в. не утратил практической и научной важности и в наше время.

В целом борьбу Королевства Румынии на Парижской конференции за официальное признание миром присоединения Бессарабии можно условно разделить на несколько хронологических этапов.

Первый этап. Румынское правительство, осознавая, что только согласие лидеров Антанты даст ему возможность закрепить за собой территориальные «приобретения» (по сути, захваты новых земель), сконцентрировало все свои внешнеполитические усилия именно

на конференции в Париже. При этом королевское правительство понимало, что, во-первых, ему не простили сепаратного мирного договора с Четверным союзом в 1918 г.; во-вторых, правительства западных государств выражали обеспокоенность политикой террора, проводимой гражданской и военной администрацией Румынии в отношении населения оккупированной Бессарабии [6: 49–54]; в-третьих, практически в канун открытия конференции на территории Хотинщины началось восстание, имевшее четко выраженную антирумынскую направленность [28: 115–151]. Впоследствии даже отдельные румынские деятели признавали, что именно из-за этих событий их страну воспринимали как «страну дикарей» [28: 136]. Вовремя согласовав свои действия с правительством, с первых дней работы конференции румынские дипломаты начали активно доказывать, что Хотинское восстание – это лишь очередная попытка большевиков дестабилизировать ситуацию в регионе. Не в пользу Румынии был и тот факт, что отдельные страны Антанты последовательно поддерживали белогвардейское движение и стремились возродить неделимую Российскую империю.

В целом общеполитическая ситуация в Париже на начальном этапе работы конференции была для королевских представителей достаточно неблагоприятной. Об этом свидетельствует красноречивый факт – румыны не были включены не только в Верховный совет конференции, но и в ряд специальных комиссий.

Деятельностью румынского представительства на первом этапе работы конференции в Париже руководил И. Брэтиану. Именно он начал активно встречаться с лидерами западных государств, добиваясь признания территориальных претензий Королевства Румыния, в частности с Г. Николсоном, Ж. Клемансо, А. Бальфуrom и др. Следует отметить, что и последние не могли себе позволить явно игнорировать румынскую делегацию в Париже, поскольку Румыния потенциально должна была стать «санитарной границей» вокруг охваченных войной земель бывшей Российской империи. Достаточно лояльно к претензиям Румынии относилась Франция, в частности Р. Пуанкаре [16: 69–70]. Поддержку румыны имели и со стороны местной прессы. В частности, издание *Le Temps* неоднократно давало положительную оценку румынскому присутствию в Бессарабии, рассматривая его как стабилизирующий фактор в регионе [16: 70].

С февраля 1919 г. румынских представителей начали привлекать к участию в заседаниях как Совета десяти, так и специальных комиссий. Именно на них И. Брэтиану пытался доказать лидерам западных государств исключительно важную роль Румынии в мировой войне, как и то, что именно Российская империя в свое время незаконно

аннексировала Бессарабию, в которой, по его словам, большинство населения составляли румыны. Из слов королевского представителя следовало, что Бухарест, оккупировав Бессарабию, лишь восстановил «историческую справедливость» и поэтому имеет все законные права на официальное владение ею. Брэтиану также отмечал, что даже Сфатул Цэрий добровольно провозгласил присоединение края к Румынии. По его словам, «Румыния нуждается в моральной поддержке союзников, для того чтобы она и дальше могла оставаться тем, кем была, объединяющим фактором Европы против большевизма» [46: 850–851].

Анализируя первые выступления И. Брэтиану на конференции, можно выделить основные положения, обосновывавшие базовое направление деятельности румынской дипломатии в Париже, а именно: реализация проекта создания «Великой Румынии»; Румыния лишь восстановила «историческую справедливость», заняв ряд территорий; страна в годы мировой войны была верным союзником Антанты, и только исключительно безвыходная ситуация заставила Бухарест подписать договор с Германией; Румыния является последним форпостом западной цивилизации в Восточной Европе в противостоянии большевизму.

С 8 февраля 1919 г. в Париже начались заседания специальной комиссии по делам Югославии и Румынии, на которых ожидалось принятие решения и в вопросе о территориальных претензиях румын [16: 74–75]. Возглавил комиссию А. Тардые. 6 апреля комиссия приняла предварительное решение о целесообразности признания Бессарабии румынской территорией. В то же время королевству был выдвинут ряд требований. Представители США дополнительно настаивали на привлечении к переговорному процессу всех заинтересованных сторон. В целом весна 1919 г. лишь вырисовала для Бухареста общую картину.

В июле 1919 г. конференция вновь вернулась к рассмотрению вопроса о Бессарабии. В частности, 2 июля выступил А. Тардые, который повторил предварительное заключение комиссии от 6 апреля о целесообразности присоединения Бессарабии к Румынии. Нужно отдать должное руководству конференции: для объективного понимания ситуации в регионе также были приглашены и непосредственно заинтересованные стороны, в частности В. Маклаков и И. Брэтиану [35: 11]. Выслушав обе стороны, участники высказались за то, чтобы отложить окончательное решение вопроса [16: 107–110]. Вскоре Брэтиану покинул Париж, оставив на рассмотрение конференции меморандум, отдельный раздел которого назывался «Вопрос о Бессарабии». Следует отметить, что политическая борьба Румынии

за Бессарабию на первом этапе работы румынской делегации на конференции проходила на фоне других важных событий, имевших решающее значение для всех ее участников. 28 июня 1919 г. был подписан Версальский мирный договор, определивший базовую расстановку сил в Европе.

К вопросу о территориальной принадлежности Бессарабии участники конференции вернулись лишь в августе 1919 г. Очередной раз были заслушаны выступления А. Тардые и выводы возглавлявшейся им комиссии. На этот раз к дискуссии присоединились С. Пишон, А. Бальфур, Ф. Полк и др. Итогом переговоров стал неутешительный для Румынии результат – официально закрепить за собой Бессарабию Бухаресту не разрешили. Румыния должна была выполнить ряд требований, прежде чем конференция вновь вернется к рассмотрению «бессарабского вопроса» (например, румыны должны были вывести собственные войска из оккупированной Венгрии). Более того, Ф. Полк и А. Бальфур в выступлениях открыто подчеркивали, что Румыния кардинальным образом должна изменить свою внешнюю политику и больше прислушиваться к рекомендациям своих западных партнеров [35: 408]. Бухаресту недвусмысленно дали понять, что ему следует неукоснительно выполнять все решения конференции и не подавать «плохой пример» другим участникам мирного форума.

На основании вышеизложенного можно подытожить результаты первого этапа работы румынского представительства на конференции:

1. В течение января – августа 1919 г. румынские дипломаты активно поднимали «бессарабский вопрос» на конференции. Для этого они использовали местную прессу, личные связи, экономические и политические преференции для союзников, идею «санитарного кордона» против большевиков и т. п.

2. Королевские представители не вошли в Верховный совет конференции и в ряд специальных комиссий. По сути, им отвели второстепенные роли в решении судьбоносных европейских вопросов.

3. Западные государства продолжали учитывать в своей восточноевропейской политике фактор белого движения, поэтому попытки Румынии силой закрепить за собой захваченные территории, в частности Бессарабию, вызвали недовольство со стороны руководства конференции.

4. Четкая антибольшевистская позиция Бухареста была важным аргументом в его пользу, что оставляло шансы на возможное включение в состав королевства ряда новых территорий, в т. ч. и Бессарабии.

Второй этап. Несмотря на выполнение Румынией отдельных требований союзников, ситуация в Париже в целом для нее кардинальным

образом не изменилась. По словам Г. Брэтиану, представители США недвусмысленно намекали «оставить конференцию», если к Румынии не будут применены жесткие санкции (исключение из числа союзных государств, разрыв дипломатических, экономических и финансовых отношений) [31: 150]. Вместе с тем участники конференции понимали, что продолжать откладывать решение территориальных вопросов в Центрально-Восточной Европе не имеет смысла. Так, 8 сентября 1919 г. Т. Титтони рекомендовал прямо использовать «бессарабскую карту» против неуступчивой позиции Бухареста. По его мнению, в случае отказа Румынии идти на компромисс при подписании договоров с соседними с ней государствами (Австрией и Венгрией) целесообразно обратить внимание румынского руководства на следующее: «Если Румыния не оформит договором с союзниками свои законные права на Бессарабию, тогда Россия, когда она восстановится, безусловно, будет требовать возврата региона. Именно в этот момент Румыния будет нуждаться в помощи Антанты и государств, вошедших в Лигу Наций» [35: 649]. Против такой формулировки вопроса выступил Ф. Полк, который отметил, что он не готов идти на «подкуп Румынии» и «не ожидал, что Совет (конференции. – Я.П., И.С., В.Ш.) может упасть так низко». На это замечание итальянский представитель отметил, что не сделал бы такого предложения, если бы не считал «Румынию лучшим вариантом для Бессарабии» [35: 649].

В то же время значительно активизировались и румынские представители. В сентябре 1919 г. они представили руководству конференции специальный меморандум, в котором выражалось беспокойство политикой великих держав в отношении интересов королевства. В частности, авторы документа упрекали Верховный совет конференции в том, что он не учитывает потерь Румынии, понесенных вследствие мировой войны, и откровенно игнорирует заслуги королевской армии в наведении порядка в регионе. В дополнение к этому подчеркивалось, что Бухарест не может подписать договор с Антантой, поскольку документ содержит положения, которые «затрагивают гордость и интересы страны» [16: 122]. Даже французским представителям, которые последовательно поддерживали Румынию, не удалось убедить Бухарест занять более компромиссную позицию во время переговоров. В свою очередь И. Брэтиану отмечал, что лучшей гарантией международной безопасности и поддержки Румынии является эффективная оккупация Бессарабии и Южной Добруджи. По словам румынского премьер-министра, «сам Клемансо в итоге убедится, что Румынию следует поддерживать, а не уничтожать» [31: 158].

Отметим, что с приходом к власти в Бухаресте нового правительственного кабинета во главе с А. Вейтояну внешнеполитическая стра-

тегия королевства практически не изменилась. Наоборот, Румыния фактически отказалась выполнять требования о выводе собственных войск из Венгрии и об урегулировании спорных вопросов с Австрией. На осень 1919 г. Румыния оказалась в сложной ситуации. На первый взгляд, в результате мировой войны экономика страны должна была выйти из продолжительного кризиса благодаря присоединению новых территорий, в т. ч. и Бессарабии. Но ситуация сложилась иначе: промышленность, транспорт, сельскохозяйственное производство были разрушены, национальная валюта обесценилась, нефтяная промышленность страны находилась под контролем иностранного капитала, государственный долг неуклонно рос.

По определению исследователя А. Басчиани, присоединение новых земель, в частности Бессарабии, ситуацию не исправило, поскольку сельское хозяйство, т. е. главная отрасль ее экономики, находилось в состоянии кризиса [30: 103]. С одной стороны, здесь активно работали торговые общества «Импорт» и «Франко-румынское общество по поставке иностранных товаров и продуктов», но и они контролировались иностранцами [9: 47]. Кроме того, традиционные связи Бессарабии с европейскими странами, расположенными по берегам Дуная, оказались под контролем Международной дунайской комиссии, где преобладал не румынский капитал (лидирующие позиции в ней занимали англичане, французы, итальянцы) [19: 18]. Более того, в результате аграрной реформы 1918 г. был нанесен очередной удар по сельскохозяйственному производству края. В 1919 г. уровень капиталовложений в экономику Бессарабии со стороны королевской администрации составил всего 6,2 % – регион превращался в отсталый аграрно-сырьевой придаток королевства.

Откровенно колониальная политика Румынии в отношении Бессарабии происходила и в национально-культурном плане. Начиная с 1918 г. здесь был фактически установлен оккупационный режим. Об этом неоднократно отчитывались как представители Антанты, так и украинские и российские делегаты в Париже [6: 49–54; 23]. Новейшие исследования, основанные на архивных материалах, также однозначно подтверждают неоправданную жестокость румынских властей в захваченной Бессарабии [28: 136]. Наиболее известные и массовые восстания в Хотине и Бендерах в 1919 г. были подавлены только благодаря привлечению регулярных армейских подразделений. Но даже после этого движение сопротивления не прекращалось. Довольно часто оно получало и внешнюю поддержку, в частности от большевистского правительства. Следовательно, с точки зрения внутренних условий быстро интегрировать Бессарабию в состав королевства не удалось.

Внешние условия также складывались для Румынии не лучшим образом: вопрос официального присоединения Бессарабии стал своеобразным политическим «заложником» в Париже. В частности, руководство конференции с середины 1919 г. активно использовало его как средство прямого давления на Румынию, поскольку последняя продолжала отказываться выполнять требования союзников. Румыны откладывали процесс вывода войск из Венгрии, хотя правительство Б. Куна было ликвидировано в начале августа 1919 г. Под вопросом оставалось подписание ряда двусторонних соглашений между Румынией, Болгарией, Австрией, Венгрией, Королевством сербов, хорватов и словенцев. Кроме того, детализации и уточнения требовало определение государственных границ между Румынией, Польшей и Чехословакией. Вдобавок к этому военно-политическая ситуация оставалась напряженной и на восточных границах королевства. На Украине продолжались военные действия между войсками Директории Украинской Народной Республики, деникинцами и большевиками.

В этом контексте следует отметить, что довольно непросто складывались и межгосударственные взаимоотношения в вопросе о территориальной принадлежности Бессарабии между Румынией и Украиной. В 1918 г., во время правления гетмана П. Скоропадского, украинская государственная позиция была однозначной – Бессарабия должна принадлежать Украинской державе. В частности, весной 1918 г. министр иностранных дел Украины Д. Дорошенко аргументированно доказывал, что «Бессарабия исторически была в теснейших экономических и политических взаимоотношениях со своей ближайшей соседкой Украиной», поэтому Румыния не имеет права на этот регион. Более того, в мае 1918 г. по инициативе Дорошенко был издан приказ «О запрете вывоза товаров в Румынию и Бессарабию» до того момента, пока «не будет урегулирован вопрос о судьбе Бессарабии, правомочности ее присоединения». Однако в 1919 г. позиция украинских властей во главе с Директорией кардинальным образом изменилась. В конце 1919 г. новое украинское правительство оказалось в довольно сложном положении. На внешнеполитической арене его де-юре не признали государства Антанты, поэтому получить реальную военно-политическую помощь было весьма проблематично. Внутри страны украинские войска терпели поражения от большевиков. В тылу власть на местах переходила к атаманам, на юге Украины высадились войска Антанты, не прекращалась и борьба с белым движением. Само правительство раздирали постоянные внутренние конфликты.

В такой крайне сложной ситуации, с одной стороны, был опубликован манифест: «Граждане Бессарабии! Ко всем вам, без разницы пола, национальности, происхождения и профессии, обращаемся мы.

Помните, что Америка, Англия, Франция и весь мир обмануты румынами, которые заявили, что Бессарабия добровольно присоединилась к Матери-Румынии» [14: 17].

С другой стороны, считая, что боевые действия против Румынии усугубят и так критическое положение Директории, украинское правительство с конца января 1919 г. начало избегать явного противостояния с Румынией [14: 17], в т. ч. и на конференции в Париже. Украинские дипломаты в основном ограничивались обращениями к руководству конференции с просьбой обратить внимание на неоправданно жестокое отношение румынской администрации к гражданскому населению Бессарабии.

Казалось, что сочетание внутренних и внешних условий должно было поставить крест на амбициозных планах Бухареста создать «Великую Румынию» и присвоить себе статус «жандарма Европы на Востоке». Однако румынскому руководству все же удалось выйти из патовой ситуации. В частности, в ноябре 1919 г. в стране прошли парламентские выборы, которые привели к изменению правительства. 1 декабря премьер-министром стал А. Вайда-Воевод. Главным внешнеполитическим курсом он провозгласил необходимость подписания всех необходимых договоров для того, чтобы «спасти страну от тех ужасных последствий возможного разрыва отношений с союзниками» [24: 200]. При этом одной из главных задач румынской дипломатии в Париже он видел достижение официального признания великими державами права Румынии на Бессарабию [52: 33].

Подчеркивая, что стратегическим направлением дипломатической деятельности является пребывание в согласии и союзе с партнерами по Антанте, новое румынское правительство 9 декабря 1919 г. подписало Сен-Жерменский мирный договор с Австрией. Этот договор стал компромиссным решением. В частности, Буковинское герцогство оставалось в составе Румынии, но при этом союзные государства получали право контролировать действия румынской администрации в соблюдении ею прав национальных меньшинств края. Бухарест обещал также вскоре вывести войска из Венгрии.

29 декабря 1919 г. румынский парламент в торжественной обстановке принял законы о присоединении Бессарабии и Буковины к королевству [50: 75]. Таким образом, на законодательном уровне был сделан шаг к консолидации государства в рамках «Великой Румынии». Определенные позитивные сигналы для Бухареста поступили и от союзников. На совещании руководства Антанты, состоявшемся 12 декабря 1919 г. в Лондоне, обсуждался «русский вопрос». Среди различных вариантов его решения подробно рассматривалась воз-

мжность создания своеобразной «стены изоляции» на границах с Россией. При этом предусматривался окончательный отказ от военной агрессии против нее, отказ от заключения с большевиками каких-либо международных соглашений и содействие укреплению пограничных с ней государств [36: 746]. Фактически Российскому государству был объявлен международный бойкот.

Таким образом, к концу 1919 г. «бессарабский вопрос» оставался официально не решенным на конференции. Он все больше превращался в сугубо политическое противостояние, когда ни одна из сторон не хотела отступать от своих интересов и стремлений.

В то же время ситуация в Центрально-Восточной Европе требовала международного правового оформления в рамках новой Версальской системы. Оценив все возможные варианты решения «бессарабской проблемы», бухарестское правительство, возглавляемое А. Вайдой-Воеводом, и руководство Парижской конференции начали активные переговоры для поиска оптимальной модели его окончательного регулирования.

Третий этап. В январе 1920 г. Вайда-Воевод прибыл в Париж. Свою главную задачу политик видел в том, чтобы на любых условиях добиться официального признания присоединения Бессарабии [42: 9]. Основные надежды при этом возлагались на благосклонное отношение к королевству со стороны Франции. 20 января Вайда-Воевод был приглашен на заседание Верховного совета. Среди прочих на обсуждение были вынесены «Дело Румынии и Венгрии» и «Бессарабский вопрос». Осознавая относительно слабые международные позиции королевства, румынский политик начал с того, что возглавляемое им правительство полностью согласно с требованиями союзников. По его словам, Бухарест уже начал эвакуацию войск из Венгрии [47: 911]. Отвечая на резкую критику в адрес Румынии со стороны Д. Ллойд-Джорджа, А. Вайда-Воевод констатировал: «Я не хочу здесь вспоминать прошлое. Моя роль – заниматься настоящим и смотреть в будущее» [47: 912]. Своеобразным итогом дискуссии стало личное обязательство румынского политика выполнить все требования союзников.

Не менее оживленную дискуссию вызвало и обсуждение территориальной принадлежности Бессарабии. Для этого к выступлению вновь был приглашен Вайда-Воевод, который в своей речи напомнил присутствующим об исторической связи региона с королевством и подчеркнул, что население края 29 декабря 1919 г. «добровольно» проголосовало за присоединение к Румынии [43: 93]. На вопрос Ж. Клемансо, чего, собственно, надеется достичь Румыния на конференции, румынский премьер ответил, что просит лишь признать

де-юре право королевства на Бессарабию [16: 143]. По итогам заседания Верховный совет постановил принять к сведению выступление румынского премьер-министра, но пока Румыния не выполнит выдвинутых ей требований, не выносить окончательного решения по Бессарабии. Присутствовавшие согласились принять за основу предварительное решение комиссии А. Тардые.

Как показал дальнейший ход событий, нерешительность румынского премьер-министра в вопросе выполнения требований союзников в конце концов привела к тому, что 26 февраля 1920 г. на заседании Верховного совета ему было отказано в письменном подтверждении признания территориальной принадлежности Бессарабии Румынии. Министр иностранных дел Великобритании Дж. Керзон мотивировал данное решение следующим образом: «Пока румынские войска будут оставаться в Венгрии, Совет не желает признавать права Румынии на Бессарабию» [16: 147]. Необходимо отметить, что вся деятельность А. Вайды-Воеводы, направленная на усиление как внутренних, так и внешних позиций Румынии, встречала все более ощутимые сопротивление и недовольство. Поддержка идеи начать мирный диалог с РСФСР вызвала определенное дистанцирование со стороны Франции. Наладить продуктивный диалог с Англией румынским властям также не удалось [16: 144]. США продолжали настаивать на привлечении к диалогу все заинтересованные стороны. В самой же Румынии деятельность Вайды-Воеводы также вызвала критику со стороны короля Фердинанда I и сторонников бывшего премьер-министра страны И. Брэтиану. В конце концов 12 марта 1920 г. он был отправлен в отставку, а новое правительство возглавил А. Авереску.

Однако необходимо отметить, что третий этап переговоров все же имел для Румынии и определенные положительные моменты. В частности, 12 марта Верховный совет направил румынскому правительству свое предварительное решение по Бессарабии. В нем отмечалось, что великие державы пришли к мнению, что скорейшее решение вопроса отвечает интересам Румынии и пограничных с ней государств. Учитывая все предыдущие выводы и «стремление» населения края, союзники в целом высказывались в пользу воссоединения Бессарабии с Румынией, которое уже фактически произошло [2: 245]. При этом Верховный совет настаивал, что Бухарест должен обеспечить соблюдение «особых интересов Бессарабии» (права национальных меньшинств) на тех же законных основаниях, что и в других частях королевства. При возникновении трудностей и недоразумений их должен был окончательно разрешить арбитраж Лиги Наций.

Четвертый этап. Как уже отмечалось выше, 19 марта 1920 г. румынское правительство возглавил А. Авереску. Давая интервью

изданию *Le Temps*, новый руководитель правительства подчеркнул, что его приход к власти обусловлен несколькими причинами, в т. ч. кризисом государственного механизма управления королевством, непродуманным избирательным законодательством и противоречивыми положениями земельной реформы, постоянной внутривнутриполитической борьбой, которая угрожала национальным интересам страны. По поводу внешней политики он заявил, что его стратегией является продолжение политики предшественников (т. е. расширение границ и их официальное признание международным сообществом. – Я.П., И.С., В.Ш.). В то же время, будучи человеком со значительным политическим и военным опытом, генерал выступал за создание межгосударственной военно-политической коалиции против советского правительства. В частности, упоминая о возможных переговорах с большевиками, он подчеркивал, что «было бы очень разумным, если бы соседние страны нашли понимание между собой и заняли общую линию поведения» [40].

При этом идти на открытый военный конфликт с Советской Россией новый глава правительства не считал целесообразным. Это, в частности, подтверждали и представители Антанты, которые находились непосредственно на территории Румынии. Так, 17 марта 1920 г. представитель США отмечал: «Румыния не собирается самостоятельно выступать (против большевиков. – Я.П., И.С., В.Ш.). Но пойдет на этот шаг в случае выступления всех союзников» [2: 273]. Такой позицией Бухарест подчеркивал свою однозначную поддержку западным союзникам в их попытке противостоять советской власти, но при этом демонстрировал, что и они должны реально поддержать Румынию в решении территориальных вопросов.

В конце марта 1920 г. румыны вывели войска с венгерских территорий. Этот шаг не остался незамеченным. 15 апреля комиссия, которая рассматривала в Париже вопрос о присоединении Бессарабии к Румынии, представила предварительный текст договора об окончательном разрешении вопроса. В течение апреля текст дорабатывался и согласовывался между сторонами.

В то же время Румынии были выдвинуты новые требования, которые она должна была выполнить. Первое обязывало страну подписать мирный договор с Венгрией. Он был подписан 4 июня 1920 г. и стал известен историкам как Трианонский договор. Со стороны Румынии его подписали И. Кантакузино и Н. Титулеску. По договору границы между государствами были определены ч. II, ст. 27 (к Румынии отошли Трансильвания и восточная часть Баната) [29: 17–18]. Дополнительно ч. III, ст. 45–47 обязывала стороны делегировать своих представителей в специальную комиссию, которая должна непосредственно на

местности определить линию государственной границы [29: 24–25]. Другое требование обязывало королевство подписать договор о признании и соблюдении прав национальных меньшинств (28 июня 1920 г. Бухарест согласился его подписать). На первый взгляд казалось, что правовых и политических препятствий для закрепления Бессарабии за Румынией больше нет. Но надежды Бухареста вновь не оправдались из-за ряда внешних и внутренних причин. Основными были следующие:

1. Продолжавшаяся польско-советская война и действия П. Врангеля на территории Крымского полуострова. Как известно, война закончилась подписанием польско-советского мирного договора, а войска Врангеля были разбиты. Непосредственно в боевых действиях Румыния не участвовала, хотя оказывала моральную и военно-техническую помощь как Польше, так и другим антибольшевистским силам, в частности войскам С. Петлюры [26: 265].

2. Несмотря на ряд общих интересов Англии и Франции как партнеров по Антанте в годы мировой войны, после ее завершения, особенно в связи с решением территориальных вопросов на Парижской конференции, между ними все больше нарастало противостояние за военно-политическое и экономическое господство в Европе, в частности в Центральной и Юго-Восточной. Важным сдерживающим фактором в вопросе территориальной принадлежности Бессарабии оставалась и позиция США. 12 июня 1920 г. Б. Колби в телеграмме американскому посольству в Париже отмечал: «Соединенные Штаты всегда отказывались быть втянутыми в дискуссию о румынских претензиях на Бессарабию. Вы должны подтвердить эту позицию и заявить, что правительство не может быть участником любого договора, имеющего целью расчленение России» [45]. Кроме того, США также не хотели терять из поля зрения и нефтяные месторождения Румынии [1: 282].

3. Фактором, сдерживавшим румынское правительство от вступления в прямые военные столкновения, стали внутриэкономические и политические обстоятельства. Экономическая система королевства так и не восстановилась после разрушительной мировой войны, что, в частности, сказалось на мощностях промышленности и железнодорожного сообщения [22: 695]. Внешний долг страны постоянно увеличивался [16: 173]. Как следствие, по территории Румынии весной 1920 г. прокатилась волна антиправительственных выступлений и демонстраций [41: 43–62]. В период с 1 марта по 20 ноября 1920 г. состоялось более 345 забастовок [22: 348]. Говоря о внутренних проблемах Румынии, нельзя не назвать и перманентные парламентские кризисы [22: 210–211, 214–215, 320, 342, 348]. Кроме того, усилилось

противостояние между королем Фердинандом I и правительством (в частности, монарх в феврале 1920 г. в беседе с бывшим премьер-министром А. Маргиломаном выразил свое «желание иметь более спокойное правительство») [22: 702].

Итак, период сентября–октября 1920 г. стал для Румынии достаточно напряженным, поскольку казалось, что никаких серьезных препятствий для признания Бессарабии за королевством уже не существует, но союзники продолжали откладывать этот акт. Напротив, Бухаресту выдвигались все новые требования. Так, Италия настаивала на возвращении румынами Болгарии южных уездов Добруджи [16: 184], а Англия и Франция – на компенсации Румынией средств своим гражданам, которые владели изъятymi участками земли в Бессарабии [16: 184]. Следует отдать должное правительству А. Авереску – оно не отступало от провозглашенной идеи создания «Великой Румынии».

В то же время активизировали свою деятельность и румынские дипломаты. Они неоднократно встречались с представителями Италии, Англии и Франции, активно лоббировали через западноевропейскую прессу необходимость создания межгосударственного блока Малой Антанты, куда должны были войти Чехословакия, Румыния и Королевство сербов, хорватов и словенцев [39]. В частности, французское издание *Le Journal des Débats* в публикации «M. Take Jonesco á Paris» называло проект Малой Антанты «новым порядком в Восточной Европе» [38].

Отдельного внимания заслуживает и ход переговоров между Румынией и РСФСР, главной целью которых была нормализация отношений с четкой юридической фиксацией границ. В частности, в ноте народного комиссара иностранных дел РСФСР Г. Чичерина на имя А. Авереску от 13 октября 1920 г. отмечалось, что советское правительство заинтересовано в установлении «в скором времени мирных отношений между Россией и Румынией». Представитель советского правительства настаивал на том, что вопрос определения «юридической сущности международных отношений между Россией и Румынией» можно решить только при непосредственных контактах [13: 260]. Во время этих предварительных переговоров бухарестское правительство подчеркивало, что в вопросе внутренних событий в России оно занимает «позицию полного и безусловного нейтралитета» [3: 43–44]. Отметим, что налаживание межгосударственного диалога между странами не могло остаться незамеченным руководством Парижской конференции.

28 октября 1920 г. в Париже был подписан документ, который юридически признал присоединение Бессарабии к Румынии (Парижский, или Бессарабский, протокол) [53: 7–11]. Свои подписи под

ним поставили представители Англии, Франции, Италии, Японии и Румынии [48: 18]. Представители США отказались его подписывать, мотивируя это нежеланием участвовать в «расчленении России, вопреки позициям международного права» [2: 189–191]. От королевской Румынии протокол подписали Т. Ионеску и Д. Гика [43: 417]. Таким образом, продолжительная борьба Румынии за Бессарабию завершилась юридическим признанием включения региона в состав королевства. По определению некоторых современных исследователей, «Бессарабия, по сути, была компенсацией за потерянные в пользу Болгарии и Австро-Венгрии территории» [12: 6]. Но, как показали дальнейший ход событий и содержание самого протокола, этот акт вряд ли можно было считать безусловной победой румынской дипломатии [7: 313].

Текст договора содержал девять статей. В преамбуле отмечалось, что главной его целью являются достижение всеобщего мира в Европе, а также учет интересов населения Бессарабии. Договор должен был гарантировать защиту национальным, религиозным и языковым меньшинствам края [48: 18]. Его авторы обосновали, что этот шаг оправдан с «географической, этнографической, исторической и экономической точек зрения». Стоит обратить внимание, что для этого фактически были повторены выводы комиссии А. Тардые, которые французский политик озвучил еще в апреле и июле 1919 г. [23: 160–162].

Ст. 1 договора декларировала, что стороны признают суверенитет Румынии над территорией Бессарабии в пределах существующих границ (государственная граница королевства, Черное море, река Днестр от устья и до линии старой границы между Бессарабией и Буковиной). При этом ст. 2 протокола фиксировала, что определение границ должно произойти непосредственно на местности с участием трех уполномоченных лиц: первое назначается союзными государствами, второе делегируется румынской стороной, третье определяется Лигой Наций (за Россию). Выполнение условий статьи должно было произойти через 15 дней после вступления в силу всего документа [48: 19].

Содержание ст. 3–6 протокола обязывало Румынию соблюдать и гарантировать права человека и гражданина на бессарабских землях. Согласно вышеупомянутым статьям протокола:

1. Румыния гарантировала всем жителям Бессарабии, без различия национальности, религии и языка, право на свободу и справедливость наравне с гражданами других территорий королевства (ст. 3).

2. Румынское гражданство по принципу «*ipso facto*» («в силу самого факта») признавалось и распространялось на все национальности бывшей Российской империи, проживавшие в Бессарабии (ст. 4).

3. Национальностям бывшей Российской империи, которые проживали в Бессарабии, в течение двух лет после вступления в действия протокола гарантировалось право свободного выбора гражданства иного государства (главным условием этого было достижение 18-летнего возраста). В случае выбора другого гражданства такие лица сохраняли за собой право в течение 12 месяцев эмигрировать. При этом Бухарест должен был гарантировать им право на сохранность недвижимого имущества, которое оставалось на территории королевства (ст. 5).

4. Ст. 6 прописывала условия для получения румынского гражданства несовершеннолетними, людьми, рожденными в Бессарабии, но которые по разным причинам не проживали в регионе и др. Указанная статья непосредственно касалась национальностей бывшей Российской империи [43: 418–419].

Отдельного внимания заслуживает ст. 7 протокола, поскольку ее содержание в значительной степени ограничивало экономическую самостоятельность Румынии. В ней было предусмотрено, что «устье Дуная, которое называется Килийское устье, должно перейти под юрисдикцию Европейской дунайской комиссии». Более того, к моменту подписания Генеральной конвенции по международному контролю над водными путями Румыния была обязана гарантировать использование системы дунайского сообщения, в т. ч. и собственной территорией [43: 419]. Если принять во внимание факт, что в этой комиссии право решающего голоса имели Англия и Франция, то право Румынии носило преимущественно совещательный характер. Как впоследствии отмечали исследователи, «Европейская дунайская комиссия была правительством, имевшим право издавать законы, выносить судебные решения, приводить в исполнение приговоры, распоряжаться работами, взимать сборы» [19: 20].

Следует отметить, что большинство базовых юридических положений, которые определяли статус и условия использования Дуная как международной водной артерии, были определены еще в ст. 346–353 Версальского мирного договора [8: 147–148]. Ст. 275–284 Трианонского договора это подтверждали и детализировали. В то же время ст. 285–291 того же документа определили и функции Дунайской комиссии [29: 129–133]. Таким образом, с полной уверенностью можно говорить, что ст. 7 Бессарабского протокола, с одной стороны, лишь констатировала предварительные договоренности между государствами, с другой – уточнила отдельные детали, касавшиеся румынской части Дуная.

На этом ограничения не заканчивались. Так, ст. 8 обязывала Бухарест признать существующую долю государственного долга России и всех других финансовых обязательств Российского государства,

касавшиеся Бессарабии. Статья предусматривала заключение специальной конвенции между подписавшими ее сторонами. Для этого должна была быть создана специальная комиссия для подготовки и принятия соответствующего документа. Также предполагалось, что, если стороны в течение двух лет не смогут решить все спорные вопросы, они будут вынесены на рассмотрение арбитражного совета Лиги Наций [43: 419].

Наконец, ст. 9 предусматривала, что составители протокола пригласят представителей России (когда союзниками будет признано новое законное российское правительство. – Я.П., И.С., В.Ш.) присоединиться к подписанному договору. Предполагалось, что Россия сохраняет за собой право обратиться в арбитраж Лиги Наций по поводу «деталей настоящего договора» [16: 189]. При этом в статье оговаривалось, что границы определены в документе и суверенитет Румынии над присоединенными территориями «сомнению не подлежит» [43: 419–420].

Заключительная часть документа содержала ряд обязательных положений (место подписания, сроки подписания, хранение ратификационных грамот, место хранения оригинала и т. д.).

Таким образом, борьба Румынии за официальное признание присоединения к ней Бессарабии завершилась 28 октября 1920 г. При этом, как и ожидалось, подписанный документ вызвал протест со стороны правительств РСФСР и СССР. 1 ноября оба советских правительства в ноте к Англии, Франции, Италии и Румынии выразили законный протест по поводу его подписания. По мнению руководителей внешнеполитических ведомств РСФСР (Г. Чичерин) и СССР (Х. Раковский), поскольку документ был подписан без присутствия представителей со стороны советских правительств, они не признают его юридическую силу и не считают свои страны связанными этим договором [13: 312]. Кстати, ни Варшавская конференция (сентябрь–октябрь 1921 г.) [25: 247–251], ни Венская конференция (март–апрель 1924 г.) [4: 36–43] не изменили позицию РСФСР и СССР в этом вопросе.

В дальнейшем ратификационный процесс растянулся на годы. Англия подписала документ в 1922 г., Франция – в 1924 г., Италия – в 1927 г. Япония отказалась ратифицировать его. Не признали его также США и ряд европейских государств [17: 28]. Румыния оказалась де-факто с присоединенной Бессарабией, но де-юре процесс так и не завершился общим международным признанием [7: 313–314].

Следует обратить внимание на следующее. Существовавшая с конца XIX в. т. н. система старого международного права допускала право на войну, право на захват территорий, право вмешательства великих государств во внутренние дела других стран [11: 303]. Но даже в этой системе существовало правило, которое предвидело

однозначный вывод послевоенного мирного договора. Однако Бессарабский протокол так и не был ратифицирован всеми участниками переговорного процесса.

Итак, можно с полной уверенностью констатировать, что на момент аннексии Бессарабии Румынией большинство населения не идентифицировало себя с румынами, а присоединение края к королевству произошло путем прямой военной агрессии. Плебисцит, на котором настаивали участники Парижской мирной конференции, в частности США, так и не был проведен румынским правительством. При этом государственно-политическое руководство Румынии с завидной настойчивостью и последовательностью реализовывало свою внешнюю политику в отношении Бессарабии.

Вследствие территориальных изменений в Центрально-Восточной Европе для Румынии сложились благоприятные обстоятельства для реализации проекта создания Великой Румынии за счет новых территорий, важное место в котором отводилось Бессарабии. При этом процесс аннексии далеко не всегда проходил гладко и сопровождался прямым применением силы со стороны румынской государственной машины. С одной стороны, королевству частично удалось использовать благоприятные внешнеполитические обстоятельства и поддержку собственных стремлений со стороны западных союзников (в частности Франции). С другой стороны, полностью получить международное признание и зафиксировать юридически эти достижения так и не удалось. В июне–июле 1940 г. это дало СССР все законные юридические основания вернуть Бессарабию назад.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Березняков Н.В.* Борьба трудящихся Бессарабии против интервентов в 1917–1920 гг. Кишинёв: Гос-ое изд-во Молдавии, 1957. 316 с.
2. *Виноградов В.Н., Ереценко М.Д., Семенова Л.Е., Покивайлова Т.А.* Бессарабия на перекрестке европейской дипломатии. Документы и материалы. М.: Индрик, 1996. 380 с.
3. Бессарабский вопрос и образование Приднестровской Молдавской Республики. Сборник официальных документов. Тирасполь: РИО ПГКУ, 1993. 191 с.
4. *Бобейко В.И.* Венская советско-румынская конференция 1924 года и бессарабский вопрос // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2007. № 1 (8). С. 36–43.
5. *Бойко П.* Бессарабский вопрос по итогам Первой мировой войны // Русин. 2014. № 4 (38). С. 47–60. DOI: 10.17223/18572685/38/4
6. *Буле В.* Образ румынской администрации и настроения населения Бес-

сарабии, отраженные во французских дипломатических и разведывательных отчетах 1918–1920 гг. // Русин. 2012. № 2 (28). С. 49–54.

7. Буриан А.Д., Назария С.М. «Объединение» Бессарабии с Румынией в свете международного права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2013. № 4. С. 309–316.

8. Версальский мирный договор / Под ред. Ю.В. Ключникова, А. Сабанина. М.: НКВД, 1925. 197 с.

9. Ветрова Г. Особливості економічного розвитку Південної Бессарабії у складі королівської Румунії (1918–1940 рр.) // Краєзнавство. 2013. № 1. С. 47–53.

10. Виноградов В.Н. За балканскими фронтами Первой мировой войны. М.: Индик, 2002. 504 с.

11. Волошин Ю.О. Особливості формування моністичних концепцій співвідношення міжнародного та внутрішнього національного права та їх роль у розвитку міждержавної інтеграції // Часопис Київського університету права. 2011. № 1. С. 303–307.

12. Губань Р. Вхідження Бессарабії та Північної Буковини до складу Румунії (історико-правовий аспект) // Наукові записки Інституту законодавства Верховної Ради України. 2014. № 2. С. 5–8.

13. Документы внешней политики СССР: в 24 т. / Редкол. третьего тома Г.А. Белов и др. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1959. Т. 3: 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. 723 с.

14. Кучик О., Кройтор В. Міжнародні обставини політичного діалогу УНР і Румунії // Вісник Львівського університету. Серія міжнародні відносини. 2013. № 33. С. 12–24.

15. Лазарев А.М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинёв: Картя Молдовняскэ, 1974. 910 с.

16. Левит И.Э. Бессарабский вопрос в контексте международных отношений (1919–1920 гг.). Парижская мирная конференция. Тирасполь: Литера, 2012. 240 с.

17. Макаrchук В.С., Рудий Н.Я. Східні кордони Румунії (1918–1940): аспекти міжнародного права // Науковий вісник Львівського державного університету внутрішніх справ. Серія юридична. 2013. № 2. С. 23–34.

18. Мельтюхов М.И. Бессарабский вопрос между мировыми войнами 1917–1940. М.: Вече, 2010. 464 с.

19. Мунтян М.А. Дунайская проблема в международных отношениях (1945–1948). Кишинёв: Штиинца, 1977. 259 с.

20. Назария С. Позиция западных держав в бессарабском вопросе на Парижской мирной конференции. URL: <https://ava.md/2014/01/21/poziciya-zaradnyh-derzhav-v-bessarabskom> (дата обращения: 23.06.2020).

21. Назария С. Появление бессарабского вопроса на последнем этапе Первой мировой войны и интерпретация этих событий в исторической и мемуарной литературе // Русин. 2014. № 4 (38). С. 61–78. DOI: 10.17223/18572685/38/5

22. Піддубний І.А. Партії, парламент, король та уряд. Розвиток і взаємодія елементів політичної системи Румунії у 1918–1940 рр. Чернівці: Друк Арт, 2019. 912 с.

23. Попенко Я.В. Румунська дипломатія в боротьбі за Бессарабію на Паризькій мирній конференції (січень – серпень 1919 р.) // Русин. 2018. № 3 (53). С. 152–171. DOI: 10.17223/18572685/53/9

24. Проблемы внутри- и внешнеполитической истории Румынии нового и новейшего времени / Ред. С.А. Мадиевский. Кишинёв: Штиинца, 1988. 229 с.

25. Репин В.В. Бессарабский вопрос и Варшавская конференция (сентябрь – октябрь 1921 года) // Сборник работ 60-й научной конференции студентов и аспирантов Белгосуниверситета, 14–16 мая 2003 г. Минск, 2003. Ч. 2. С. 247–251.

26. «Совершенно лично и доверительно!». Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 1. 568 с.

27. Суляк С. Русины в период Первой мировой войны и русской смуты // Русин. 2006. № 1 (3). С. 46–65.

28. Суляк С.Г. Хотинское восстание: причины и последствия // Русин. 2018. № 3 (53). С. 115–151. DOI: 10.17223/18572685/53/8

29. Трианонский мирный договор / Под ред. Ю.В. Ключникова, А. Сабанина. М.: НКВД, 1926. 184 с.

30. Bacsiani A. La difficile unione: La Bessarabia e la Grande Romania 1918–1940. Pref. de Keith HITSCHINS; 2da ed. ampliata e rivista. Roma: Aracne, 2007, 414 p.

31. Brătianu Gh. I. Acțiunea politică și militară a României în 1919 în Lumina corespondenței diplomatice a Lui Ion I.C. Brătianu. București: Cartea Românească, 1939. 189 p.

32. Burian A. Geopolitica lumii contemporane. Chișinău: Tipografia Centrală, 2003, 356 p.

33. Contele De Saint-Aulaire. Însemnările unui diplomat de altădată în România. 1916–1920. Traducatori: Ileana Sturdza. 2016. 288 p.

34. Dobrinescu V.-Fl. Bătălia diplomatică pentru Basarabia. 1918–1940. Iași, 1991, 286 p.

35. Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Vol. I: 1919. London: His Majesty's Stationery Office, 1947. 969 p.

36. Documents on British Foreign Policy. 1919–1939. Vol. II: 1919. London: His Majesty's Stationery Office, 1948. 970 p.

37. Goldstein E. Winning the Peace: British Diplomatic Strategy, Peace Planning, and the Paris Peace Conference, 1916–1920. New York, Clarendon Press of Oxford University Press, 1991, pp. xix, 307.

38. Le Journal des Débats. 1920. 9 octobre. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k4894764.item> (дата обращения: 1.09.2020).

39. Le Temps. 1920. 24 septembre. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k244144n.item> (дата обращения: 1.09.2020).

40. Le Temps. 1920. 6 avril. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k243973h/f1.item> (дата обращения: 10.09.2020).

41. Lupta clasei muncitoare din România pentru apararea Statului Sovietic În cea de-a Treia campanie a Antantei (1920). Studii. Revistă de istorie. 1957. № 5. P. 43–62.

42. Marghiloman A. Note politice 1897–1924. Vol. V: 1920–1924. București: Editura Institutului de arte grafice «EMINESCU», 1927. 244 p.
43. Mitrasca M. Moldova: A Romanian Province under Russian Rule. Diplomatic History From the Archives of the Great Powers. New York: Algor Publishing, 2002. 439 p.
44. Oprea I. România și Imperiul Rus. 1900–1924. București: Editura Albatros, 1998. Vol. 1. 339 p.
45. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1920. Washington, 1936. Vol. 3. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1920v03/d503> (дата обращения: 13.09.2020).
46. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference. 1919. Vol. III. Washington, 1943. 1062 p.
47. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference. 1919 / [ed. J. Fuller]. Washington, 1946. Vol. IX. 1053 p.
48. Scurtu I. România între anii 1918–1940. Documente și materiale. București: Editura Universității București, 2001. 168 p.
49. Scurtu I. Istoria României în anii 1918–1940. Evoluția regimului politic de la democrație la dictatură. București, 1996. 428 p.
50. Staff I. Spovedaniile Basarabiei. Chișinău: Bons Offices, 2007. 364 p.
51. Stănescu M.C. Armata română și unirea Basarabiei și Bucovinei cu România. 1917–1919. Constanța: Ex Ponto, 1999: Infcon, 244 p.
52. Tilea V.V. Acțiunea diplomatică a României. Nov. 1919 – Mart. 1920. Sibiu, 1925. 250 p.
53. Treaty Between the Principal Allied Powers and Roumania Respecting Bessarabia // Supplement to the American Journal of International Law. Official Documents. 1923. Vol. 17. P. 7–11.

REFERENCES

1. Bereznyakov, N.V. (1957) *Bor'ba trudyashchikhsya Bessarabii protiv interventov v 1917–1920 gg.* [The struggle of Bessarabian workers against the interventionists in 1917–1920]. Chișinău: Gosudarstvennoe izd-vo Moldavii.
2. Vinogradov, V.N., Ereshchenko, M.D., Semenova, L.E. & Pokivaylova, T.A. (1996) *Bessarabiya na perekrestke Evropeyskoy diplomatii. Dokumenty i materialy* [Bessarabia at the crossroads of European diplomacy. Documents and materials]. Moscow: Indrik.
3. Yakovlev, V.N. (ed.) (1993) *Bessarabskiy vopros i obrazovanie Pridnestrovskoy Moldavskoy Respubliki: sbornik ofitsial'nykh dokumentov* [The Bessarabian question, and the formation of the Pridnestrovian Moldau Republic: A collection of official documents]. Tiraspol: PGKU.
4. Bobeyko, V.I. (2007) *Venskaya sovetsko-rumynskaya konferentsiya 1924 goda i bessarabskiy vopros* [The Vienna Soviet-Romanian conference of 1924 and the Bessarabian question]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya – Vestnik Rudn. International Relations*. 1(8). pp. 36–43.
5. Boyko, P. (2014) Bessarabian question in the outcome of WWI. *Rusin*. 4(38).

pp. 47–60 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/38/4

6. Boulet, V. (2012) *Obraz rumynskoy administratsii i nastroyeniya naseleniya Bessarabii, otrazhennyye vo frantsuzskikh diplomaticheskikh i razvedyvatel'nykh otchetakh 1918–1920 gg.* [The image of the Romanian administration and the mood of Bessarabian population, reflected in the French diplomatic and reconnaissance reports of 1918–1920]. *Rusin*. 2(28). pp. 49–54.

7. Burian, A.D. & Nazaria, S.M. (2013) “Unification” of Bessarabia with Romania in the light of international law. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauk – RUDN Journal of Law*. 4. pp. 309–316 (in Russian).

8. Klyuchnikov, Yu.V. & Sabanin, A. (eds) (1925) *Versal'skiy mirnyy dogovor* [The Versailles Peace Treaty]. Moscow: NKID.

9. Vetrova, G. (2013) *Osoblivosti ekonomichnogo rozvitku Pivdennoi Bessarabii u skladi korolivs'koï Rumunii (1918–1940 rr.)* [Peculiarities of the economic development of the South Bessarabia at the warehouse of the Royal Rumunia (1918–1940)]. *Kraeznavstvo*. 1. pp. 47–53.

10. Vinogradov, V.N. (2002) *Za balkanskimi frontami Pervoy mirovoy voyny* [Behind the Balkan Fronts of the First World War]. Moscow: Indrik.

11. Voloshin, Yu.O. (2011) *Osoblivosti formuvannya monistichnikh kontseptsii spivvidnoshennya mizhnarodnogo ta vnutrishn'o natsional'nogo prava ta ikh rol' u rozvitku mizhderzhavnoi integratsii* [Specificity of the monistic concepts of international and national law relations and their role in the international integration development]. *Chasopis Kiivs'kogo universitetu prava – Chronicles of KUL*. 1. pp. 303–307.

12. Guban, R. (2014) *Vkhodzhennya Bessarabii ta Pivnichnoi Bukovini do skladu Rumunii (istoriko-pravoviy aspekt)*. *Naukovi zapiski Institutu zakonodavstva Verkhovnoi Radi Ukraini*. 2. pp. 5–8.

13. Belov, G.A. et al. (eds) (1959) *Dokumenty vneshney politiki USSR: v 24 t.* [Documents of the USSR Foreign Policy: in 24 vols]. Vol. 3. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit.

14. Kuchik, O. & Krojtor, V. (2013) *Mizhnarodni obstavini politichnogo dialogu UNR i Rumunii*. *Visnik L'vivs'kogo universitetu. Seriya mizhnarodni vidnosini*. 33. pp. 12–24.

15. Lazarev, A.M. (1974) *Moldavskaya sovetskaya gosudarstvennost' i bessarabskiy vopros* [Moldavian Soviet Statehood and the Bessarabian Question]. Chişinău: Kartya Moldovnyaske.

16. Levit, I.E. (2012) *Bessarabskiy vopros v kontekste mezhdunarodnykh ot-nosheniy (1919–1920 gg.)*. *Parizhskaya mirnaya konferentsiya* [The Bessarabian Question in the Context of International Relations (1919–1920). The Paris Peace Conference]. Tiraspol: Litera.

17. Makarchuk, V.S. & Rudyi, N.Ya. (2013) *Skhidni kordoni Rumunii (1918–1940): aspekti mizhnarodnogo prava* [Eastern borders of Romania (1918–1940): aspects of international law]. *Naukoviy visnik L'vivs'kogo derzhavnogo universitetu vnutrishnikh sprav. Seriya yuridichna*. 2. pp. 23–34.

18. Meltyukhov, M.I. (2010) *Bessarabskiy vopros mezhdru mirovymi voynami 1917–1940* [The Bessarabian Question Between the World Wars of 1917–1940]. Moscow: Veche.

19. Muntyan, M.A. (1977) *Dunayskaya problema v mezhdunarodnykh ot-nosheniyakh (1945–1948)* [The Danube problem in international relations (1945–1948)]. Chişinău: Ştiinţa.

20. Nazaria, S. (2014) *Pozitsiya zapadnykh derzhav v bessarabskom voprose na Parizhskoy mirnoy konferentsii* [The stance of the Western countries on the Bessarabian question at the Paris Peace Conference]. [Online] Available from: <https://ava.md/2014/01/21/pozitsiya-zapadnyh-derzhav-v-bessarabskom/> (Accessed: 23rd June 2020).

21. Nazaria, S. (2014) The appearance of the Bessarabian question at the last stage of WWI and the interpretation of these events in historical and memoirs. *Rusin*. 4(38). pp. 61–78 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/38/5

22. Piddubniy, I.A. (2019) *Partii, parlament, korol'ta uryad. Rozvitok i vzaemodiya elementiv politichnoï sistemi Rumunii u 1918–1940 rr.* [Parties, parliament, king and government. Development and interaction of elements of the political system of Rumunia in 1918–1940]. Chernivtsi: Druk Art.

23. Popenko, Ya.V. (2018) Romanian diplomacy in the struggle for Bessarabia at the Paris Peace Conference (January–August 1919). *Rusin*. 3(53). pp. 152–171 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/53/9

24. Madiievsky, S.A. ed. (1988) *Problemy vnutri- i vneshnepoliticheskoy istorii Rumynii novogo i noveyshego vremeni* [The Problems of the Romanian Internal and Foreign Political History in the New and Modern Times]. Chişinău: Ştiinţa.

25. Repin, V.V. (2003) Bessarabskiy vopros i Varshavskaya konferentsiya (sentyabr' – oktyabr' 1921 goda) [The Bessarabian question and the Warsaw conference (September – October 1921)]. In: Berlinskaya, S.G. (ed.) *Sbornik rabot 60-y nauchnoy konferentsii studentov i aspirantov Belgosuniversiteta* [Collection of works of the 60th Conference of Undergraduates and Graduates of the Belarusian State University, May 14–16, 2003]. Vol. 2. Minsk: BSU. pp. 247–251.

26. Bakhmetev, B.A. & Maklakov, V.A. (2001) *“Sovershenno lichno i doveritel'no!” B.A. Bakhmetev – V.A. Maklakov. Perepiska. 1919–1951* [“Absolutely personally and confidently!” B.A. Bakhmetev – V.A. Maklakov. Correspondence of 1919–1951]. Moscow: ROSSPEN.

27. Sulyak, S. (2006) Rusiny v period Pervoy mirovoy voyny i russkoy smutty [The Rusins during the First World War and Russian Troubles]. *Rusin*. 1(3). pp. 46–65.

28. Sulyak, S.G. (2018) The Khotin Uprising: Causes and Consequences. *Rusin*. 3(53). pp. 115–151 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/53/8

29. Klyuchnikov, Yu.V. & Sabanin, A. (eds) (1926) *Trianonskiy mirnyy dogovor* [The Trianon Peace Treaty]. Moscow: NKID.

30. Bacșiani, A. (2007) *La difficile unione: La Bessarabia e la Grande Romania 1918–1940*. Rome: Aracne.

31. Brătianu, Gh.I. (1939) *Acțiunea politică și militară a României în 1919 în Lumina corespondenței diplomatice a Lui ion I.C. Brătianu*. Bucharest: Cartea Românească.

32. Burian, A. (2003) *Geopolitica lumii contemporane*. Chișinău: Tipografia Centrală.
33. Contele De Saint-Aulaire, C.B. (2016) *Însemnările unui diplomat de altădată în România. 1916–1920*. Traducatori: Ileana Sturdza.
34. Dobrinescu, V.-FL. (1991) *Bătălia diplomatică pentru Basarabia. 1918–1940*. Iași: [s.n.].
35. Butler, R. & Bury, J.P.T. (eds) (1947) *Documents on British Foreign Policy. 1919–1939*. Vol. I. London: His Majesty's Stationery Office.
36. Butler, R. & Bury, J.P.T. (eds) (1948) *Documents on British Foreign Policy. 1919–1939*. Vol. II. London: His Majesty's Stationery Office.
37. Goldstein, E. (1991) *Winning the Peace: British Diplomatic Strategy, Peace Planning, and the Paris Peace Conference, 1916–1920*. New York: Clarendon Press of Oxford University Press.
38. *Le Journal des Débats*. (1920). 9th October. [Online] Available from: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k4894764.item> (Accessed: 1st September 2020).
39. *Le Temps*. (1920a) 24th September. [Online] Available from: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k244144n.item> (Accessed: 1st September 2020).
40. *Le Temps*. (1920) 6th April. [Online] Available from: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k243973h/f1.item> (Accessed: 10th September 2020).
41. Anon. (1957) Lupta clasei muncitoare din România pentru apararea Statului Sovietic In cea de-a Treia campanie a Antantei (1920). *Studii. Revistă de istorie*. 5. pp. 43–62.
42. Marghiloman, A. (1927) *Note politice 1897–1924*. Vol. V. Bucharest: Editura Institutului de arte grafice "EMINESCU".
43. Mitrasca, M. (2002) *Moldova: A Romanian Province under Russian Rule. Diplomatic History From the Archives of the Great Powers*. New York: Algors Publishing.
44. Oprea, I. (1998) *România și Imperiul Rus. 1900-1924*. Vol. 1. Bucharest: Editura Albatros.
45. USA. (n.d.) *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States*. Vol. 3. [Online] Available from: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1920v03/d503> (Accessed: 13th September 2020).
46. USA. (1943) *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference*. Vol. III. Washington: [s.n.].
47. USA. (1946) *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. The Paris Peace Conference*. 1919. Vol. IX. Washington: [s.n.].
48. Scurtu, I. (2001) *România între anii 1918–1940. Documente și materiale*. Bucharest: Editura Universității București.
49. Scurtu, I. (1996) *Istoria României în anii 1918-1940. Evoluția regimului politic de la democrație la dictatură*. Bucharest: [s.n.].
50. Stafi, I. (2007) *Spovedaniile Basarabiei*. Chișinău: Bons Offices.
51. Stănescu, M.C. (1999) *Armata română și unirea Basarabiei și Bucovinei cu România. 1917–1919*. Constanța: Ex Ponto.

52. Tilea, V.V. (1925) *Acțiunea diplomatică a României. Nov. 1919 – Mart. 1920*. Sibiu: Tipografia “Foaia Poporului”.

53. Anon. (1923) Treaty Between the Principal Allied Powers and Roumania Respecting Bessarabia. *Supplement to the American Journal of International Law. Official Documents*. 17. pp. 7–11.

Попенко Ярослав Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры права Мелитопольского государственного педагогического университета им. Б. Хмельницкого (Украина).

Yaroslav V. Popenko – Bogdan Khmelnytsky Melitopol State Pedagogical University (Ukraine).

E-mail: popenkoaroslav80@gmail.com

Срибняк Игорь Владимирович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела теории и методологии всемирной истории Института всемирной истории НАН Украины (Украина).

Ihor V. Sribnyak – The Institute of World History of the National Academy of Science of Ukraine (Ukraine).

E-mail: i.sribnyak@gmail.com

Шатило Владимир Анатольевич – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой права факультета экономики и права Киевского национального лингвистического университета (Украина).

Volodymyr A. Shatilo – Kyiv National Linguistic University (Ukraine).

E-mail: vash13@ukr.net